



АДВОКАТЫ

Сесилия Суарез

18+

Сесилия Суарез

Адвокаты

«Автор»

2026

Суарез С.

Адвокаты / С. Суарез — «Автор», 2026

— Петр... — выдохнула она, вцепляясь пальцами в простыни, потому что помнила правило номер три: не прикасаться, пока он не разрешит.— Что? — он поднял голову, и его серые глаза в лунном свете казались почти чёрными. — Хочешь что-то сказать?— Я хочу... прикоснуться к тебе.— Нет.— Петр! — Не-ет, — повторил он, возвращаясь к её груди, но теперь уделяя внимание второй. — Ты ждёшь. Ты учишься ждать. Это полезный навык для женщины, которая привыкла получать всё по первому требованию. Суд — наше поле боя. Он — наглый, властный и чертовски компетентный засранец. Я — та, кто кладет таких, как он, на лопатки. Эта война закончится либо полным крахом, либо самым горячим примирением.

© Суарез С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сесилия Суарез

Адвокаты

Глава 1.

Ступени Арбитражного суда города Москвы в середине июля — это отдельный, тщательно продуманный ад для женских каблуков. Серый гранит, нагретый солнцем до температуры сковородки, на которой какой-то садист забыл выключить газ, и полировка, скользкая, как обещания оппонента на досудебном урегулировании. Марья Ивановна Лисицина спускалась по этим ступеням с грацией кошки, которая только что сожрала хозяйскую канарейку и теперь ждет аплодисментов, а не наказания.

Она выиграла.

Нет, не так. Она размазала. Растоптала. Уничтожила юридический отдел компании «ТехноПромКомплайн» с той же легкостью, с какой её бабушка в детстве лепила пельмени — ловко, быстро и с осознанием собственного превосходства над материалом. Семизначная сумма гонорара, которая буквально в эту минуту летела по цифровым проводам на её личный счет в банке «Северный Капитал», приятно грела не столько карман, сколько эго.

— Марья Ивановна! — за спиной раздался цокот шпилек, напоминающий стрекот встревоженного сверчка. Это была Анечка, её помощница, существо двадцати трех лет от роду, облаченное в офисный сарафан цвета «вырви глаз фуксия» и вооруженное планшетом. — Марья Ивановна, это было... это было как в кино! Вы когда сказали про преюдициальность и про то, что их экспертиза пахнет...

— Фальсификацией, Анечка. Она пахнет фальсификацией, дешевым одеколоном их юриста и отчаянием, — Марья остановилась, поправила на плече ремешок сумки (винтажный Chanel, подарок самой себе за прошлую победу) и вдохнула воздух, который даже выхлопные газы Садового кольца не могли испортить. — И да, это было красиво. Я была великолепна. Запиши где-нибудь у себя в ежедневнике: «Вторник, 14:37. Марья Ивановна Лисицина была великолепна». Поставь галочку.

Анечка, привыкшая к манере общения начальницы, деловито застучала по экрану, но тут же подняла взгляд, полный священного ужаса трудоголика перед надвигающимся цейтнотом.

— Я уже подготовила папки по делу «СтройФриИнвест». Первое слушание через три недели, нужно запросить обеспечительные меры, и еще ответчики прислали ходатайство об отложении, но я думаю, мы можем...

— Отпуск, — произнесла Марья.

Планшет в руках Анечки дернулся.

— Простите?

— От-пуск. Существительное мужского рода, второе склонение, от слова «отпускать». В данном контексте означает, что я, Марья Ивановна Лисицина, отпускаю себя на все четыре стороны как минимум на десять дней. Ты, Анечка, отпускаешь мое расписание. А господа из «СтройФриИнвест» пусть пока отпускают вожжи и копят деньги на мой следующий гонорар.

Марья повернулась к помощнице и, увидев её вытянувшееся лицо, на котором читалась паника, смешанная с попыткой перезагрузить реальность, рассмеялась. Смех у неё был негромкий, грудной, с легкой хрипотцой — идеальный аккомпанемент для бокала мартини или для того, чтобы поставить на место зарвавшегося адвоката.

— Анечка, закрой рот. Муха залетит, а у нас в офисе и без того проблем хватает. Да, я беру отпуск. Впервые за... сколько мы работаем вместе?

— Десять лет и четыре месяца, — прошелестела Анечка.

— Вот видишь. Десять лет и четыре месяца я не видела моря. Мои волосы помнят запах тонера для офисного принтера лучше, чем запах соли и йода. Мои глаза видели больше судебных актов, чем закатов. Это непорядок, Анечка. Это, я бы даже сказала, преступление против человечности, совершенное по отношению к самой себе. А я юрист. Я не могу допускать преступлений.

Она снова зашагала вниз, и каблуки выбивали по граниту победную дробь.

— Куда вы поедете? — Анечка семенила рядом, чуть не спотыкаясь. — Мальдивы? Сейшелы? Альпы?

— Турция, — бросила Марья через плечо.

Планшет жалобно пискнул, оповещая о том, что Анечка случайно нажала кнопку выключения.

— Тур-ци-я? — по слогам переспросила помощница. — Марья Ивановна, простите, но Турция — это... ну... для менеджеров среднего звена и пакетных туристов с детьми. А вы... вы только что положили в карман сумму с шестью нулями! Вы можете позволить себе виллу на Лазурном берегу, личного дворецкого и...

— Именно поэтому я полечу в Турцию, — Марья подошла к своему автомобилю — черной «Ауди», которая выглядела так же хищно, как её хозяйка после выигранного дела. — Потому что могу позволить себе не доказывать никому, что я могу позволить себе Лазурный берег. Я хочу лежать на шезлонге, пить что-то сладкое и глупое из кокосового ореха, читать глупый детектив в мягкой обложке и не думать о сроках исковой давности. Это и есть высшая форма роскоши, Анечка. Свобода быть обычной.

Она села в машину, опустила стекло и добавила, глядя на совершенно потерянную помощницу:

— И да, если кто-то из клиентов умрет или воскреснет — не беспокоить. Если начнется Третья мировая — звони, но только если она затронет мои активы. Всё остальное подождет.

«Ауди» мягко тронулась с места, оставляя Анечку на раскаленных ступенях суда с ощущением, что привычный мир только что треснул по швам.

Глава 2.

Самолет приземлился в аэропорту Милас-Бодрум в три часа пополудни, и Марья Ивановна Лисицина, сходя по трапу, чувствовала себя так, словно с неё сняли свинцовый корсет, который она носила последние десять лет. Нет, не в буквальном смысле — корсетов она не носила, предпочитая строгие костюмы-двойки от Мах Мага, — но ощущение освобождения было именно таким: физическим, почти тактильным.

Жара ударила в лицо. Марья сняла пиджак еще в салоне, оставшись в шелковой блузке цвета топленого молока, и теперь, стоя на бетонной площадке, вдыхала воздух, пахнувший разогретым асфальтом, солью и чем-то цветочным — то ли олеандр, то ли жасмин, то ли свобода.

— Марья Ивановна, вас встречают? — спросила стюардесса, провожавшая её до выхода, с той смесью почтительности и любопытства, которая обычно адресуется пассажирам бизнес-класса, купившим билет в один конец и не имеющим при себе ничего, кроме сумки Birkin и выражения лица «я могу купить этот самолет, если захочу».

— Нет, — ответила Марья, поправляя на плече ремешок упомянутой сумки. — Я в бегах. От самой себя. Это очень романтично, не находите?

Стюардесса моргнула, не зная, как реагировать, и Марья великодушно улыбнулась.

— Шучу. Трансфер заказан. Черный «Мерседес», водитель с табличкой «Мисс Лис». Я решила, что «Лисицина» — слишком длинно для курорта. Пусть буду просто Лис. Хитрая, рыжая и опасная.

— У вас светлые волосы, — заметила стюардесса.

— Это чтобы вводить в заблуждение, — Марья подмигнула и зашагала к зданию терминала, чувствуя, как каблуки (да, она надела каблуки в самолет, потому что ноги юриста не знают отдыха) выбивают по бетону ритм победного марша.

Десять лет. Десять лет она шла к этому моменту. Дело «Корпорация «Северный Проток» против Консорциума «Южные Активы» — семь томов материалов, четыреста часов подготовки, двадцать три заседания и одна финальная речь, после которой судья снял очки, протер их и сказал: «Суд удаляется для вынесения решения». А через неделю огласил вердикт, от которого у противной стороны случилось коллективное несварение.

Полная победа. Семизначная сумма гонорара. И заявление об уходе, написанное тем же вечером на фирменном бланке «Горчаков, Райхель и Партнеры».

— Марья Ивановна, вы с ума сошли? — спросил тогда Горчаков-старший, глядя на неё поверх очков так, словно она предложила ему задекларировать все доходы.

— Напротив, — ответила она, поправляя на столе папку с делом. — Я впервые за десять лет пришла в здравый рассудок. Я выиграла вам крупнейшее дело в истории фирмы. Моя фамилия должна быть на двери. Если нет — я ухожу.

Через три дня над ресепшном фирмы добавили ее фамилию. Золотые буквы «Горчаков, Райхель, Лисицина и Партнеры». А еще через день Марья купила билет в Бодрум, собрала чемодан и улетела, оставив нового помощника — Анечку повысили, и теперь она мучила стажера — с инструкцией: «Если кто-то умрет или воскреснет, звони. Если начнется Третья мировая, звони. Если просто хотят поговорить — я умерла и воскресну через десять дней».

Теперь она сидела на заднем сиденье черного «Мерседеса», мчавшегося по серпантину вдоль побережья, и смотрела, как Эгейское море разворачивается перед ней, словно дорогой подарок, который она наконец-то позволила себе принять.

Отель «Кристал Luxury Resort & Spa» оказался именно таким, каким его описывали на сайте: белоснежные корпуса, спускающиеся террасами к частному пляжу, пальмы в кадках, мраморные полы в лобби и персонал, вышколенный до состояния, близкого к телепатии. Администратор за стойкой, молодой мужчина с идеальной укладкой и улыбкой, вышколенной, веро-

ятно, на пятичасовом тренинге по гостеприимству, склонил голову ровно на пятнадцать градусов.

— Добро пожаловать, мисс Лис. Ваш номер готов. Люкс с видом на море, отдельный выход к бассейну, халат нужного размера, как вы запрашивали.

Марья одобрительно кивнула. Она всегда запрашивала халат нужного размера, даже в отелях, где это не предусмотрено. Это была её маленькая проверка на профпригодность сервиса. Если персонал мог выполнить этот каприз — с ними можно иметь дело.

— Прекрасно, — сказала она, принимая ключ-карту. — И запомните, пожалуйста: для вас я просто Марья. Нет, не «госпожа Лисицина», не «ваша честь» — это я для суда, — она усмехнулась собственной шутке, — и не «мисс Лис». Просто Марья. Я приехала сюда, чтобы забыть, кто я такая. Помогите мне в этом.

Администратор снова склонил голову, на этот раз, кажется, на восемнадцать градусов — признак высшей степени понимания.

— Разумеется, просто Марья. Если что-то понадобится — просто позвоните.

Номер оказался именно таким, каким она его представляла: просторный, светлый, с огромной кроватью, застеленной белоснежным бельем, с панорамными окнами, выходящими на бесконечную бирюзу, и с балконом, на котором стояли два шезлонга и столик с вазой, полной белых роз.

Марья бросила сумку на кресло, скинула туфли и вышла на балкон. Море дышало внизу, ленивое и равнодушное ко всем её победам, поражениям и золотым табличкам. И это было прекрасно.

— Так, — сказала она вслух, опираясь на перила. — План на ближайшие десять дней: пункт первый — забыть, что я юрист. Пункт второй — забыть, что я знаю сто юридических уловок. Пункт третий — забыть, что любая проблема решается переговорами. Пункт четвертый — научиться решать проблемы, просто плюнув на них с высокой колокольни. Пункт пятый — пить коктейли с зонтиками. Пункт шестой — ни с кем не спорить. Пункт седьмой — особенно с собой.

Внутренний голос, тот самый, который всегда находил слабые места в её логике, ехидно заметил: «Пункт восьмой — провалить все предыдущие пункты к исходу второго дня».

Марья хмыкнула и пошла распаковывать чемодан.

Через два часа, приняв душ, переодевшись в легкое льняное платье цвета слоновой кости — купленное в аэропорту в припадке курортного транса, — и оставив волосы распущенными (бунт против привычного строго пучка), она спустилась в бар у бассейна.

Бар назывался «Лагуна» и представлял собой длинную деревянную стойку под навесом, окруженную высокими стульями и пальмами в кадках. Вода в бассейне светилась бирюзой, подсвеченная изнутри, и плавно переходила в темнеющее море на горизонте. Закат только начинался, раскрашивая небо в персиковые и розовые тона, и Марья, устроившись на высоком стуле, почувствовала, как напряжение последних недель — нет, лет — начинает отпускать её, словно старая резинка, которую наконец-то развязали.

— Что желает прекрасная синьорина? — бармен, молодой турок с улыбкой, способной растопить айсберг, уже стоял перед ней, поигрывая шейкером.

— Джин-тоник, — буркнула Марья по привычке, но тут же остановилась. — Нет. Подождите. Что вы посоветуете человеку, который последние двенадцать лет пил только то, что положено по статусу, и ни разу не пробовал то, что хочется?

Бармен на мгновение задумался, потом его глаза загорелись.

— «Пина Колада», — сказал он с таким благоговением, словно предлагал эликсир вечной молодости. — С двойной порцией рома. С ананасовым соком, кокосовыми сливками и обязательно с зонтиком. И вишенкой. Это напиток для тех, кто наконец-то перестал притворяться взрослым.

Марья рассмеялась.

— Звучит как диагноз. Давайте. И побольше льда. У меня сегодня был тяжелый день: я два часа выбирала между двумя абсолютно одинаковыми шезлонгами у бассейна. Нервы на пределе.

Бармен засмеялся в ответ и зазвенел шейкером. Марья откинулась на спинку стула, подставляя лицо последним лучам солнца, и подумала, что, кажется, начинает понимать, зачем люди ездят в отпуск.

А потом за её спиной раздался голос.

— Я бы на вашем месте не рисковал. «Пина Колада» в этом баре — это русская рулетка. Либо вас унесет в рай, либо вы проснетесь завтра с мыслью, что продали душу за кокосовый сироп.

Марья обернулась.

Он стоял в двух шагах, облокотившись на соседний высокий стул, и смотрел на неё с таким выражением, словно только что выиграл спор с самим собой. Высокий. Очень высокий. Марья, даже сидя на барном стуле, отметила, что в полный рост он, вероятно, возвышался бы над ней на добрых полголовы, несмотря на её каблуки. Широкие плечи, обтянутые белой льняной рубашкой с закатанными до локтей рукавами, открывающими сильные предплечья с проступившими венами. Русые волосы, прямые, зачесаны назад, но одна прядь упрямо падала на лоб, и он смахнул её резким, почти раздраженным движением. Лицо — слишком правильное, слишком симметричное, чтобы быть просто красивым. Скорее, оно было высечено из мрамора скульптором, который не признавал компромиссов. И глаза — серые, цвета грозовой тучи, смотревшие на неё с таким спокойным, оценивающим любопытством, словно он уже знал о ней всё, что хотел знать, и теперь просто ждал, когда она это подтвердит.

— Простите? — Марья приподняла бровь. Дерзость, её верная спутница в суде и в жизни, проснулась быстрее, чем она успела вспомнить о пункте шестом своего плана («ни с кем не спорить»).

— Я говорю, — он сел на соседний стул, и пространство между ними сократилось до опасного минимума, — что вы слишком красивы, чтобы рисковать пищеварением. Позвольте мне заказать для вас что-нибудь более... надежное.

— Я похожа на женщину, которая нуждается в том, чтобы кто-то заказывал за неё напитки?

— Вы похожи на женщину, которая привыкла всё контролировать, — он чуть склонил голову набок, разглядывая её с той же дотошностью, с какой она сама изучала оппонентов перед процессом. — Включая то, что она пьет. Но здесь, — он обвел рукой бар, бассейн, море, — контроль — это единственное, что вам не нужно. И, кажется, единственное, чего вы на самом деле хотите. Отпустить вожжи. Хотя бы на один вечер.

Марья открыла рот, чтобы возразить — у неё было готово блестящее возражение о недопустимости непрошенных психологических анализов, — но он уже повернулся к бармену.

— Для леди — «Белый русский». Сливки, водка, кофейный ликер. Крепко, сладко и абсолютно безопасно для пищеварения. Мне — виски. «Лагавулин», шестнадцать лет. Один кубик льда. Не больше.

Бармен, который секунду назад смотрел на Марью с восторгом человека, понявшего её экзистенциальную тоску, теперь смотрел на незнакомца с выражением, близким к религиозному трепету. Он мгновенно отставил начатую «Пина Коладу» в сторону и схватился за бутылку водки.

— Я не просила «Белый русский», — заметила Марья, хотя где-то глубоко внутри — там, где жила та самая уставшая от контроля женщина, — она уже сдалась.

— Вы не просили, — согласился он, не глядя на неё. — Но вы выпьете. Хотя бы для того, чтобы доказать мне, что умеете принимать подарки, не требуя чека.

— А вы всегда такой... настойчивый?

— Всегда, — он наконец повернулся к ней, и в его серых глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку. — Это мое профессиональное проклятие.

Марья насторожилась. Профессиональное. Вот оно. Сейчас он скажет что-то вроде «я генеральный директор» или «я владелец сети отелей», и она снова окажется в своей стихии — в мире статусов, должностей и негласных иерархий.

— И чем же вы занимаетесь? — спросила она невинным тоном, принимая из рук бармена запотевший стакан с кремовой жидкостью.

Он помедлил ровно секунду. Ровно столько, сколько нужно, чтобы придумать убедительную ложь.

— Недвижимостью, — сказал он, делая глоток виски. — Покупаю, продаю, иногда строю. Скучно до зубного скрежета. А вы?

Марья чуть не поперхнулась. Она тоже помедлила ровно секунду.

— Консалтинг, — выпалила она, сама удивляясь, как легко ложь слетела с языка. — Помогаю людям... договариваться.

— Договариваться, — повторил он, и в его голосе прозвучала странная интонация — то ли насмешка, то ли узнавание. — Звучит как работа для очень терпеливого человека.

— Я очень терпеливая, — соврала Марья, которая сегодня утром мысленно составила исковое заявление на стюардессу, забывшую принести ей теплую булочку.

— А я нет, — сказал он просто. — Терпение — это для тех, кто не умеет брать то, что хочет, сразу.

Она сделала глоток «Белого русского». Сливки, водка и кофейный ликер взорвались на языке кремовой, обволакивающей сладостью, и она поймала себя на мысли, что напиток действительно хорош.

— И что же вы хотите взять сразу? — спросила она, ставя стакан на стойку.

Он посмотрел на неё. Долго. Так долго, что у неё перехватило дыхание.

— Сегодня вечером — ваше имя, — сказал он наконец. — Я слышал, как вы представились на ресепшене. «Просто Марья». Это звучит как вызов. Как будто вы хотите, чтобы кто-то доказал, что вы не «просто».

Марья усмехнулась, пытаясь скрыть, как сильно его слова попали в цель.

— А вы, значит, тот самый «кто-то»?

— Я просто Петр, — он протянул ей руку. — Просто мужчина, который сидит в баре и пытается понять, почему такая женщина, как вы, приехала на море одна и заказывает напитки, которые ей на самом деле не нравятся.

Она пожала его руку. Ладонь оказалась сухой, теплой и неожиданно твердой. И задержалась в его хватке чуть дольше, чем того требовал этикет.

— Может быть, я приехала одна, потому что мне так нравится, — сказала она, высвобождая руку.

— Может быть, — согласился он. — А может быть, вы просто еще не встретили того, с кем захочется остаться.

— И вы, конечно, кандидат?

— Я не кандидат, Марья, — он снова взял свой стакан и посмотрел на неё поверх ободка. — Я — единственный вариант, который вам здесь предложат. Остальные — массовка.

Марья рассмеялась. Искренне, громко, запрокинув голову. Боже, какая самоуверенность. Какая наглая, возмутительная, совершенно очаровательная самоуверенность.

— Вы всегда так... прямолинейны с незнакомками?

— Только с теми, кто врет о своей профессии так же неубедительно, как я, — сказал он, и его серые глаза блеснули.

Марья замерла.

— Простите?

— «Консалтинг. Помогаю людям договариваться», — процитировал он с той же интонацией, с какой она произнесла это пять минут назад. — Марья, дорогая, в вашем взгляде читается Уголовный кодекс, а в том, как вы поправили ремешок сумки, — параграф о недобросовестной конкуренции. Вы юрист. И, судя по сумке Birkin и номеру люкс, очень хороший юрист. Она сузила глаза.

— А вы, — медленно произнесла она, чувствуя, как азарт охотника, загнавшего добычу, разливается по венам, — говорите «недвижимость» с той же интонацией, с какой мои клиенты говорят «мы обязательно оплатим счет в понедельник». Вы не строите дома, Петр. Вы разрушаете аргументы. Вы такой же юрист. И, судя по виски за триста евро и манере заказывать за других, очень дорогой юрист.

Они смотрели друг на друга поверх стаканов. Закат догорал, окрашивая его лицо в теплые тона, и в его серых глазах плясали золотые искры.

— Туше, — сказал он наконец, и его губы дрогнули в улыбке — первой настоящей улыбке за весь вечер, открывшей белые зубы и небольшую ямочку на левой щеке, которую она раньше не замечала.

— Так мы оба ввали, — констатировала Марья, делая еще один глоток «Белого русского».

— Мы оба защищались, — поправил он. — Это профессиональная деформация. Мы не можем просто так взять и сказать незнакомцу, кто мы на самом деле. Вдруг он окажется оппонентом.

— Или клиентом.

— Или судьей.

— Или налоговым инспектором.

Они обменялись понимающими взглядами, и Марья вдруг почувствовала, как между ними протянулась невидимая нить — нить общего опыта, общего цинизма и общей усталости от мира, в котором каждое слово может быть использовано против тебя.

— Значит, — сказала она, поднимая стакан, — предлагаю перемирие. На время отпуска. Никаких дел, никаких процессов, никаких «исходя из вышеизложенного». Просто Марья и просто Петр. Два человека, которые приехали на море, чтобы забыть, кто они такие.

Он поднял свой бокал и легонько стукнул им о её бокал.

— Согласен.

Именно этого она и хотела. Курортный роман без последствий. С мужчиной, который понимает правила игры, потому что играет по тем же правилам.

— Договорились, — сказала она. — А теперь, раз мы оба признались, что мы юристы, может, перестанем притворяться и закажем нормальные напитки?

— Что вы хотите?

— «Пина Колада», — призналась она. — С двойной порцией рома, глупым зонтиком и вишенкой. Я устала быть взрослой, Петр. Я устала контролировать. Я хочу быть глупой, легкомысленной и немножко пьяной.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на нежность — странное, непривычное выражение для человека с таким жестким ртом.

— Тогда «Пина Колада» для леди, — сказал он бармену. — И еще один «Лагавулин» для меня. И да, побольше льда. Кажется, этот вечер будет длинным.

К тому моменту, как небо над Бодрумом окончательно почернело, усеявшись бриллиантовой крошкой звезд, Марья Ивановна Лисицина выпила две «Пина Колады», один «Белый русский» и ровно половину бокала белого вина, которое Петр заказал «для баланса». Баланс, по его версии, заключался в том, чтобы чередовать сладкое с сухим, а ром — с чем-то более благородным.

Сама Марья считала, что баланс — это когда ты сидишь на барном стуле, твои босоножки валяются под стойкой (она скинула их час назад, заявив, что «каблуки — это патриархальный заговор против женских ног»), а напротив тебя сидит мужчина, который смотрит так, словно хочет выпить тебя вместо своего виски.

— Значит, — сказала она, подперев щеку ладонью и разглядывая Петра с той степенью откровенности, которую позволял себе только алкоголь и отсутствие свидетелей, — ты говоришь, что специализируешься на корпоративных спорах. Это же скучно до смерти. Тонны бумаг, километры оговорок, и в конце кто-то кому-то должен денег. Фу.

Петр хмыкнул, покручивая в пальцах бокал. Лед в его виски давно растаял, но он, кажется, этого даже не заметил — слишком занят был тем, чтобы смотреть на неё.

— А ты, Марья, специализируешься на чём? Кроме как «помогаю людям договариваться»?

— Я специализируюсь на том, чтобы выигрывать, — она ткнула пальцем в его сторону, и палец описал в воздухе слегка нетрезвую дугу. — У меня есть дар. Я смотрю на дело — и вижу, где оппонент проколется. Вот смотрю на тебя, например, и вижу...

— Что? — он подался вперёд, и его колено под стойкой коснулось её бедра. Случайно? Вряд ли. Петр не производил впечатления человека, который делает что-то случайно.

— Что ты врешь насчёт корпоративных споров, — выпалила Марья. — У тебя взгляд не бухгалтера. У тебя взгляд... хищника. Ты, наверное, уголовными делами занимаешься. Или банкротством. Там, где можно пустить людей по миру и не поморщиться.

Он расхохотался. Искренне, запрокинув голову, и в свете фонариков, развешанных над баром, его русые волосы блеснули серебром.

— Ты опасная женщина.

— Я знаю. Мне это каждый день говорят. Обычно перед тем, как подписать мировое соглашение на моих условиях.

— И каковы твои условия? — он поставил стакан на стойку и полностью развернулся к ней, так что теперь их колени соприкасались уже без всяких «случайно».

Марья посмотрела на него сквозь полуопущенные ресницы. Алкоголь сделал своё дело: её обычная броня — цинизм, ирония, юридические крючки — истончилась до состояния папиросной бумаги. Под ней обнаружилось что-то другое. Что-то тёплое, пульсирующее и отчаянно любопытное.

— Мои условия, Петр, таковы, — она наклонилась вперёд, так что их лица оказались в опасной близости. — Никаких визиток, никаких «а давайте как-нибудь выпьем кофе». Эта ночь. Только эта ночь. Завтра мы делаем вид, что ничего не было. Ты идёшь своей дорогой, я — своей. Море взяло, море вернуло. Идёт?

Он смотрел на неё молча. Долго. Так долго, что у неё начало сосать под ложечкой от мысли, что она всё испортила, что он сейчас встанет и уйдёт, оставив её одну с тремя коктейлями и чувством глубочайшего идиотизма.

А потом он сказал:

— Идёт. Но с одной поправкой.

— Слушаю.

— Ты не будешь устанавливать правила в постели, — его голос упал до низкого, бархатистого регистра, от которого у Марьи по позвоночнику пробежала дрожь. — Ты десять лет устанавливала правила в залах суда, в переговорных, в офисах. Сегодня ночью ты не юрист. Ты просто женщина. В моей постели. И правила устанавливаю я.

У Марьи пересохло во рту. Она открыла рот, чтобы возразить — это было рефлексом, таким же естественным, как дыхание, — но слова застряли где-то в горле, потому что его ладонь легла на её колено. Тяжёлая, тёплая, уверенная.

— Это не обсуждается, Марья, — сказал он тихо. — Ты можешь сказать «нет». Прямо сейчас. Я встану, оплачу по счёту и уйду в свой номер. И мы больше никогда не увидимся. Это твой выбор. Но если ты скажешь «да», то до рассвета ты моя. Полностью. Без оговорок и дополнительных соглашений.

Её сердце колотилось где-то в горле. В висках стучало. Где-то в глубине сознания тоненький голосок — голосок той самой Марьи Ивановны, которая носила костюмы Мах Мага и выигрывала дела на миллионы, — пытался докричаться до неё: «Ты с ума сошла! Ты не знаешь этого человека! У тебя завтра массаж в одиннадцать!»

Она посмотрела в его серые глаза. В них не было насмешки. Только спокойная, абсолютная уверенность мужчины, который знает, чего хочет, и привык это получать.

— Да, — сказала она. И сама удивилась, как легко это слово слетело с губ.

Он кивнул — коротко, по-деловому, словно они только что заключили сделку, — и подо-звал бармена.

— Запишите на мой номер. 407.

Бармен, который за вечер стал свидетелем эволюции их отношений от «кто вы такой» до «пойдём в номер», понимающе кивнул и даже, кажется, подмигнул Марье. Или ей показалось.

Петр встал, протянул ей руку. Она вложила свою ладонь в его — и мир слегка качнулся. То ли от алкоголя, то ли от предвкушения.

— Туфли, — вспомнила она, оглядываясь на босоножки, сиротливо валяющиеся под стойкой.

— Оставь. Всё равно они тебе не понадобятся.

Он наклонился, подхватил её под колени и за плечи — и поднял на руки, как пушинку. Марья ахнула, инстинктивно обхватив его шею.

— Ты что делаешь?!

— Устанавливаю правила, — ответил он, шагая по направлению к корпусу с номерами люкс. — Правило первое: сегодня ты не ходишь сама. Тебя носят.

— Я тяжёлая!

— Ты в моих руках. Я решаю, тяжёлая ты или нет. Правило второе: ты не споришь с правилом первым.

Марья фыркнула, но спорить не стала. Во-первых, её несло на руках по тёплому ночному воздуху, пахнущему морем и олеандром, и это было до абсурда приятно. Во-вторых, его руки держали её так уверенно, словно он всю жизнь только и делал, что носил на руках дерзких юристов. В-третьих, ей было любопытно, что будет дальше.

Номер 407 оказался в том же крыле, что и её собственный, только на этаж выше. Петр открыл дверь ключ-картой (как он умудрился сделать это, не опуская её, осталось загадкой), вошёл внутрь и ногой захлопнул дверь.

Внутри было темно, только лунный свет лился сквозь панорамные окна, заливая комнату серебром. Та же планировка, что у неё: огромная кровать, балкон с видом на море, приглушённый шум волн за стеклом. Но что-то было иначе. Может быть, запах — его запах, смесь дорогого парфюма, виски и чего-то ещё, тёплого и мужского.

Он опустил её на кровать. Не бросил, не уронил — именно опустил, бережно, но твёрдо, словно ставил точку в каком-то важном документе. Марья откинулась на спину, глядя на него снизу вверх. Он стоял над ней, заслоняя лунный свет, и его лицо было в тени, но глаза — глаза горели, как у волка в ночном лесу.

— Правило третье, — сказал он, расстёгивая пуговицы на своей белой рубашке. Медленно. Очень медленно. — Ты не прикасаешься ко мне, пока я не разрешу.

— А если я захочу?

— О, ты захочешь, — он скинул рубашку на пол, и Марья забыла, как дышать.

В лунном свете его торс казался высеченным из мрамора. Широкие плечи, рельефная грудь, покрытая светлыми волосками, убегающая вниз дорожка, исчезающая под поясом брюк. Ни грамма лишнего жира. Только сухая, опасная сила, прикрытая загорелой кожей.

— Ты захочешь, — повторил он, наклоняясь и упираясь руками в кровать по обе стороны от её головы. — Но будешь ждать. Потому что я так сказал.

Его лицо оказалось в сантиметрах от её. Она чувствовала его дыхание на своих губах — тёплое, с лёгким привкусом виски.

— Это попытка, — прошептала она.

— Это предвкушение, — поправил он. — Адвокаты умеют ждать. Мы ждём решения суда месяцами. Неужели ты не можешь подождать несколько минут?

— Я не адвокат сегодня ночью. Ты сам сказал.

— Верно, — его губы изогнулись в улыбке. — Тогда просто доверься мне.

Он поцеловал её.

Не так, как она ожидала. Не грубо, не жадно, не сметая все преграды. Он поцеловал её медленно, пробуя на вкус, словно дорогое вино, которое нужно распробовать, прежде чем сделать глоток. Его губы были твёрдыми, но двигались мягко, исследуя её рот с дотошностью юриста, изучающего важный документ. Его язык коснулся её языка — легко, дразняще — и отступил, оставляя её дрожащей и жаждущей большего.

— Сладкая, — прошептал он, отстраняясь на миллиметр. — Как та «Пина Колада», которую ты не хотела заказывать.

— Я передумала насчёт неё.

— Я знаю. Ты передумаешь насчёт многого этой ночью.

Его рука легла на её бедро, сжала сквозь тонкую ткань платья. Потом скользнула выше, к талии, к рёбрам, заставляя её выгнуться навстречу. Пальцы нащупали застёжку платья — молнию на боку — и потянули вниз с той же уверенностью, с какой он открывал дверь ключ-картой.

— Поднимись, — скомандовал он.

Она послушалась, приподнялась на локтях. Он стянул платье с её плеч, с бёдер, с ног — одним плавным движением, словно разворачивал подарок, который ждал слишком долго. Ткань соскользнула на пол, и Марья осталась лежать перед ним в одном кружевном белье. Она всегда носила кружева. На всякий случай. На случай, если придётся кого-то морально уничтожить и захочется чувствовать себя при этом соблазнительной.

— Кружевное, — прокомментировал он, и в его голосе послышалось одобрение. — Ты носишь его под теми строгими костюмами, в которых ходишь в суд?

Она рассмеялась, но смех оборвался, когда его пальцы коснулись её живота — легко, едва ощутимо, словно он рисовал на её коже невидимые узоры. От его прикосновений по телу разбегались мурашки, и она чувствовала, как напрягаются соски под кружевом бюстгалтера.

— Ты дрожишь, — заметил он, наклонился и поцеловал её в ложбинку между ключицами, туда, где бешено бился пульс. — Ты дрожишь потому что боишься, что тебе понравится не контролировать.

Марья закрыла глаза. Попадание. Опять. Этот мужчина читал её, как открытую книгу, написанную крупным шрифтом и с картинками.

— Я не боюсь, — сказала она упрямо.

— Боишься, — его губы скользнули ниже, к краю кружевной чашечки. — И это нормально. Ты сколько там говорила? Десять лет была сильной. Позволь себе одну ночь быть слабой. Обещаю, я не сломаю. Я только... согну.

Его зубы прихватили край кружева и потянули вниз, освобождая её грудь. Она ахнула, когда прохладный воздух коснулся разгорячённой кожи, и тут же его рот накрыл сосок — горячий, влажный, требовательный. Он не был нежным. Он был голодным. Его язык кружил,

посасывал, прикусывал, и каждое движение отзывалось электрическим разрядом где-то глубоко внизу живота.

— Петр... — выдохнула она, вцепляясь пальцами в простыни, потому что помнила правило номер три: не прикасаться, пока он не разрешит.

— Что? — он поднял голову, и его серые глаза в лунном свете казались почти чёрными. — Хочешь что-то сказать?

— Я хочу... прикоснуться к тебе.

— Нет.

— Петр!

— Не-ет, — повторил он, возвращаясь к её груди, но теперь уделяя внимание второй. — Ты ждёшь. Ты учишься ждать. Это полезный навык для женщины, которая привыкла получать всё по первому требованию.

— Я не...

— Ты да, — его рука легла на её живот, поглаживая, успокаивая, а потом скользнула ниже, к кружевному краю трусиков. — Ты привыкла, что мир вращается вокруг тебя. Что клиенты трепещут, оппоненты сдаются, судьи выносят решения в твою пользу. Но сегодня ночью мир вращается вокруг меня. И ты будешь вращаться вместе с ним.

Его пальцы скользнули под кружево, и Марья забыла все возражения, которые вертелись на языке. Он касался её, и она уже была влажной, горячей, отчаянно жаждущей. Один палец, потом второй — медленно, дразняще, заполняя её ровно настолько, чтобы свести с ума, но недостаточно, чтобы дать освобождение.

— Ты уже готова, — прошептал он ей на ухо, и его дыхание обожгло кожу. — Ты была готова ещё там, в баре, когда скинула туфли. Ты была готова, когда позволила мне заказать за тебя напиток. Ты была готова, когда сказала «да».

Она стонала, извиваясь под его пальцами, но он не ускорялся. Его движения оставались медленными, размеренными, мучительно точными — словно он изучал её тело с той же дотошностью, с какой изучал материалы дела перед процессом.

— Пожалуйста, — выдохнула она, ненавидя себя за эту мольбу и одновременно упиваясь ею.

— Что «пожалуйста»?

— Пожалуйста... быстрее. Или сильнее. Или... что-нибудь.

— Что-нибудь, — повторил он с усмешкой. — Какая точная юридическая формулировка. «Истец просит что-нибудь». Суд отклоняет ходатайство ввиду неконкретности.

Он убрал пальцы, и Марья чуть не закричала от разочарования. Но прежде чем она успела выразить протест, он стянул с неё трусики — одним резким движением, от которого кружево жалобно треснуло.

— Эй! — возмутилась она. — Это La Perla!

— Я куплю тебе новые, — пообещал он, расстёгивая ремень на брюках. — А теперь замолчи и смотри на меня.

Она смотрела. Как он сбрасывает брюки, боксеры — всё одним движением, нетерпеливым, почти злым. Как встаёт перед ней в полный рост, залитый лунным светом, и она, наконец, видит его целиком. И от этого зрелища у неё перехватывает дыхание. Он был... впечатляющим. Во всех смыслах.

— Правило четвёртое, — сказал он, опускаясь на кровать и нависая над ней. — Ты не отводишь взгляд. Ты смотришь на меня. Всё время. Я хочу видеть твои глаза, когда буду внутри тебя.

Она кивнула, не в силах говорить. Его колени раздвинули её бёдра, и она почувствовала его — горячего, твёрдого, требовательного — у самого входа.

— Последний шанс сказать «нет», — прошептал он, замерев на мгновение. — После этого я не остановлюсь, пока ты не будешь кричать моё имя так громко, что на ресепшене вызовут охрану.

— Я не скажу «нет», — ответила она, глядя ему прямо в глаза. — Я хочу этого. Хочу тебя. С того самого момента, как ты посмел заказать мне «Белый русский».

Он улыбнулся — хищно, торжествуя — и вошёл в неё. Одним глубоким, сильным толчком, заполняя её до предела, до дрожи в коленях, до звёзд перед глазами. Марья вскрикнула, выгнулась дугой, вцепляясь в простыни, потому что помнила — нельзя прикасаться, — и мир сузился до одной точки: до места, где их тела соединились.

— Смотри на меня, — приказал он, начиная двигаться. Медленно. Ритмично. С той же сокрушительной уверенностью, с какой он делал всё в этой жизни. — Глаза. Не закрывай.

Она смотрела. В его серые глаза, потемневшие до цвета грозовой бури. В его лицо, напряжённое от сдерживаемой страсти. В его губы, приоткрытые, шепчущие что-то — то ли её имя, то ли ругательства, то ли молитву.

Он двигался в ней, и каждое движение отзывалось волной жара, растекающейся от низа живота к кончикам пальцев. Он брал её — не грубо, но властно, не оставляя сомнений в том, кто здесь главный. И она отдавалась — не пассивно, но податливо, встречая каждый толчок движением бёдер, подстраиваясь под его ритм, как опытный танцор под музыку.

— Хорошая девочка, — прошептал он, и от этих слов у неё внутри всё сжалось. — Моя хорошая, послушная девочка. Кто бы мог подумать, что Марья Ивановна Лисицина умеет быть послушной.

— Только сегодня, — выдохнула она, с трудом ворочая языком. — Только с тобой.

— Только со мной, — согласился он, ускоряя темп. — И только сегодня. А завтра ты снова станешь стервой в суде. Но сегодня... сегодня ты моя.

Его рука скользнула между их телами, нашла её клитор — чувствительный, набухший, отчаянно жаждущий прикосновения — и надавила. Марья закричала. Громко. Так громко, что, наверное, действительно переполошила половину отеля.

Оргазм накрыл её, как цунами — внезапно, сокрушительно, сметая все мысли, все страхи, всю многолетнюю броню. Она содрогалась под ним, впиваясь ногтями в простыни — и чувствовала, как её внутренние мышцы сжимаются вокруг него, вытягивая его собственное освобождение.

Он кончил через несколько секунд после неё — с низким, гортанным стоном, уткнувшись лицом в её шею. Его тело содрогнулось, напряглось и обмякло, придавливая её к матрасу своей тяжестью.

Несколько минут они лежали молча, восстанавливая дыхание. Потом он скатился с неё, лёг рядом и притянул её к себе, укладывая её голову на своё плечо.

— Правило пятое, — пробормотал он сонно, глядя её по волосам. — После секса ты спишь в моих объятиях. Без вариантов.

— А если я храплю?

— Тогда я подам на тебя в суд за нарушение закона о тишине.

Она фыркнула, устраиваясь поудобнее.

— Знаешь, Петр, ты самый невероятный мужчина из всех, кого я встречала.

— Знаю, — он поцеловал её в макушку. — И именно поэтому ты здесь. Потому что тебе нужен кто-то, кто не будет прогибаться под тебя. Кто-то, кто заставит тебя прогнуться самой.

Она хотела возразить, но глаза уже закрывались. Тёплая, сытая, удовлетворённая — она проваливалась в сон, чувствуя, как его пальцы лениво перебирают её волосы.

Где-то вдалеке шумели волны. Луна медленно плыла по небу. А в номере отеля двое юристов, которые поклялись забыть друг друга к утру, спали в объятиях.

Глава 3.

Солнце в Бодруме, как выяснила Марья Ивановна Лисицина на второе утро своего отпуска, обладает уникальной способностью — оно умеет светить прямо в глаза, даже если ты спишь в номере с плотно задернутыми шторами. Каким-то непостижимым образом единственный луч, тонкий, как лезвие скальпеля, нашел щель между портьерами, пересек комнату и уперся точно в её веки.

Она застонала и попыталась перевернуться на другой бок, но что-то тяжелое и теплое придавило её к матрасу, не давая пошевелиться.

Что-то. Или кто-то.

Память вернулась рывками, как показания недобросовестного свидетеля: бар, «Пина Колада», «я устанавливаю правила», его руки на её теле, его голос — «смотри на меня», и потом — темнота, заполненная запахом моря, виски и мужчины.

Марья резко открыла глаза.

Петр лежал рядом, подперев голову рукой, и смотрел на неё с выражением сытого хищника, который только что доел антилопу и теперь размышляет, не заказать ли десерт. Его русые волосы были в художественном беспорядке, на щеках пробивалась легкая щетина, а серые глаза в утреннем свете казались почти прозрачными, как вода в горном озере.

— Доброе утро, Марья Ивановна, — произнес он низким, чуть хриловатым голосом, в котором еще слышались отголоски сна. — Как спалось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.